

Глава 21

Кабинет президента располагался не на верхнем этаже, как это обычно описывают в романах. Когда лифт остановился на одном из средних, Шэнь Цяньцы невольно удивился.

Цинь Гуаньюй каким-то образом уловил ход его мыслей и усмехнулся:

— Ты ведь не думал, что я каждый вечер стою у панорамного окна на последнем этаже, покачивая бокал с красным вином, и взираю на город, словно на свою бескрайнюю бизнес-империю?

Шэнь Цяньцы предельно честно кивнул:

— Именно так и думал. Я даже размышлял, что если твой кабинет на самом верху, в следующий раз приведу Маньтоу на экскурсию. Пусть почувствует, что такое гигантский игровой комплекс для кошек.

Цинь Гуаньюй всерьёз задумался над этим предложением. Он даже прикинул, не отгородить ли половину комнаты отдыха рядом со своим кабинетом под игровую для Маньтоу, а вторую половину переоборудовать в кабинет для Шэнь Цяньцы, чтобы когда тот придёт...

Стоп.

«О чём это я опять думаю? — Цинь Гуаньюй одернул себя. — Неужели меня и впрямь приворожили?»

Возможно, профессия «дублёра» в своём развитии достигла таких высот, что её представители овладели какими-то сверхъестественными способностями.

Цинь Гуаньюй искоса взглянул на идущего рядом мужчину.

«Ну и мастерство у учителя Шэня! Когда соглашение закончится, можно будет онлайн-курсы продавать»

Его досада быстро улетучилась под потрясёнными взглядами сотрудников президентского офиса. Почему-то он ощутил укол гордости.

— Зачем ты привёл меня в свой кабинет? — спросил Шэнь Цяньцы. — Я голоден.

— Подожди пятнадцать минут, — Цинь Гуаньюй мимоходом взял из буфетной пирожное «Цин Нун» и вложил ему в руку. — Улажу одно дело, отделаюсь от деда, и пойдём обедать.

Говоря это, он толкнул дверь своего кабинета, но, едва договорив, замер на пороге.

Шэнь Цяньцы заглянул внутрь. На гостевом диване сидел седовласый старик. Он держал спину идеально прямо, а его руки, сложенные одна на другую, покоились на набалдашнике трости. Лицо его было изрезано морщинами, но когда он метнул на них взгляд, гость ощутил энергию, куда более мощную, чем у любого из его студентов.

— Дедушка... — Цинь Гуаньюй неловко улыбнулся. — Как вы здесь оказались?

Старик отпил чай.

— Разумеется, пришёл послушать, как ты собираешься от меня отделяться.

— ... — Цинь Гуаньюй закрыл дверь и потянул Шэнь Цяньцы за собой.

Шэнь Цяньцы узнал его. Бывший президент, а ныне председатель правления «Цинь Нун», дедушка Цинь Гуаньюя по материнской линии — Цинь Шицзэ.

— Здравствуйте, господин председатель. Я...

Не успел Шэнь Цяньцы договорить, как Цинь Шицзэ добродушно улыбнулся.

— Учитель Шэнь, верно? Я сразу догадался по вашей интеллигентной ауре.

Цинь Гуаньюй покрылся холодным потом.

«Он никогда не упоминал Шэнь Цяньцы в разговорах с дедом. Откуда тот знает? Неужели уже раскрыл, что я нанял дублёра?»

«Не будет ли для старика история с «дублёром» слишком шокирующей? — Цинь Гуаньюй внутренне сжался. — Меня сейчас накажут по всей строгости семейных законов?!»

— Отец Гуаньюя мне рассказал. Это ведь ты был с ним на ужине в тот день?

При упоминании отца Цинь Гуаньюй вспыхнул:

— Он ещё и вам наябедничал?

Цинь Шицзэ махнул рукой:

— Он мне жаловался. Говорил, что вы, молодые люди, могли его неправильно понять, а он всего лишь хотел по-отечески поговорить с сыном.

— На что ему жаловаться? — презрительно фыркнул Цинь Гуаньюй. — Если бы не учитель Шэнь, мне бы пришлось одному отбиваться от них двоих на этом «пиру в Хунмэне». Хотят и того, и другого, да ещё и на совесть давят. Хорошо, что тех двух тупиц-братьев не было, иначе опять бы драка началась.

Цинь Шицзэ, видя обиженное лицо внука, рассмеялся.

— А я и не собирался их защищать. Если бы вы побили тех двух сынков, я бы тут же всё уладил, а потом втихаря поаплодировал.

— Пф, — хмыкнул Цинь Гуаньюй. — От одного взмаха руки нашего учителя Шэня исходит благоухание. С чего бы нам награждать их таким образом?

Услышав такое описание, старик чуть не поперхнулся чаем. Шэнь Цяньцы в отчаянии прикрыл глаза.

— Позови Гуаньцина и Тяньгуна наверх, — Цинь Шицзэ взял салфетку, вытер губы и поднялся, собираясь уходить. — У нас с дедушкой Чэном есть к вам разговор.

Услышав это, Шэнь Цяньцы подумал, что семья властных боссов, вероятно, собирается обсуждать планы по расширению своей бизнес-империи, и ему здесь не место. Он уже собрался было попрощаться, как Цинь Гуаньюй вдруг сказал:

— Пусть кухня принесёт еду наверх. Мы с учителем Шэнем оба голодны.

Цинь Шицзэ не возражал:

— Заказывай сам.

— ... — Шэнь Цяньцы на этот раз был действительно сбит с толку и тихо спросил у стоявшего перед ним босса: — А мне-то там что делать?

— Как что? Есть, — с недоумением ответил Цинь Гуаньюй. — Ты же сказал, что голоден.

— ...Я посторонний. Ты не боишься, что я выдам какие-нибудь коммерческие тайны?

— Я что, настолько глуп? Перестань применять ко мне все стереотипы из дешёвых романов про дублёров... — Цинь Гуаньюй потянул его за собой. — Ты же знаешь, в прошлый раз мой отец

хотел сотрудничать с «Цинь Нун». Старик, скорее всего, просто хочет, чтобы я согласился.

Шэнь Цяньцы замер.

— Почему?

Их бренды совершенно не сочетались. Почему дед поддерживает своего бывшего зятя, который так плохо относится к его внуку?

— Неважно, главное — поеть.

На этот раз Шэнь Цяньцы, как и хотел, оказался на верхнем этаже. Едва двери лифта открылись, он уловил тонкий аромат чая.

Взору предстала картина, напоминающая скорее творческую студию: незаконченный свиток в стиле гохуа, свежая каллиграфия, старинные инструменты — гуцинь и сяо, доска для игры в го.

В кресле в центре сидел старик, ещё более почтенного возраста, чем Цинь Шицзэ. Его пальцы, несмотря на морщинистую кожу, двигались над чайной доской с поразительной ловкостью и изяществом. Казалось, время было к нему особенно благосклонно. Даже в преклонных годах можно было разглядеть, что в молодости этот человек обладал ослепительной красотой.

— Это партнёр моего деда, Чэн Юи, — шёпотом пояснил Цинь Гуаньюй. — Можешь, как и я, называть его дедушкой Чэном. Ему почти сто лет, а он всё ещё в добром здравии.

Однако, как только Шэнь Цяньцы поздоровался, Цинь Шицзэ разволновался больше всех. Он подвёл молодого человека к Чэн Юи и с восторгом объявил:

— Этот ребёнок в таком юном возрасте уже преподаватель в университете! И специалист по литературе!

Старые глаза Цинь Шицзэ заблестели так, словно Шэнь Цяньцы был его собственным драгоценным внуком. Чэн Юи с улыбкой покачал головой и погрозил другу пальцем в воздухе.

— Ах ты, старый... Столько лет прошло, а ты ничуть не изменился. Как видишь гуманитария, так сразу в восторг приходишь. Как это сейчас молодёжь говорит... фанат! Ты — дед-фанат!

— Дедушка любит литературу? — с любопытством спросил Шэнь Цяньцы.

— В своё время, когда он учился в университете, очень хотел изучать словесность, — с улыбкой ответил Чэн Юи.

В те годы поступить в университет было огромным достижением. Шэнь Цяньцы и не предполагал, что Цинь Гуаньюй происходит из такой интеллигентной семьи. Как же так вышло, что он не унаследовал ни капли дедовских утончённых увлечений? Он с интересом спросил у Цинь Шицзэ:

— А в каком университете вы учились?

Чэн Юи ответил за друга с ещё большим сожалением:

— В то время в «Цинь Нун» не было главы, и ему пришлось остаться, чтобы унаследовать семейное дело.

Цинь Гуаньюй легонько похлопал деда по плечу.

— Единственный большой талант в нашей семье в итоге всё же пошёл по кривой дорожке «властного босса».

Шэнь Цяньцы почти мгновенно проникся сочувствием. У китайцев особое, трепетное отношение к университету, особенно к вузу мечты. По какой бы причине в молодости не удалось туда поступить, это сожаление будет время от времени всплывать на протяжении всей оставшейся жизни. Как в его университете Z: каждый год во время приёма в аспирантуру он помогал комиссии и постоянно слышал истории о тех, кто пытался поступить в третий, а то и в четвёртый раз.

В этот момент подошли Сунь Гуаньцин и Лу Тяньгун. Цинь Гуаньюй с планшета заказал еду, раздал всем по экземпляру меню и только потом отправил заказ на кухню.

Шэнь Цяньцы заметил у панорамного окна с южной стороны изящный круглый стол. Похоже, властные боссы и впрямь могли, покачивая бокалы с вином, взирать на свою бизнес-империю с высоты...

Цинь Гуаньюй провёл для него небольшую экскурсию. Проходя мимо книжного стеллажа, Шэнь Цяньцы вдруг увидел чёрно-белую фотографию. Снимок был очень старым, но владелец бережно хранил его в рамке.

Двое молодых людей на фото улыбались в камеру. Один из них, с утончёнными чертами лица, показался ему очень знакомым.

— Это дедушка Чэн в молодости?

— Ого, — удивился Цинь Гуаньюй. — А у вас, учитель Шэнь, глаз-алмаз.

Но внимание Шэнь Цяньцы было почти полностью приковано ко второму молодому человеку на фото. Причина была проста: он вызывал у него очень странное чувство — он был невероятно похож на Цинь Гуаньюя.

Дело было не столько во внешнем сходстве, сколько в общем типе: у обоих были выразительные брови и глубоко посаженные глаза, типичная яркая внешность. Но что важнее, манера держаться у человека на фото была поразительно схожа с манерой нынешнего «золотого господина».

— А это кто?

— Мой двоюродный дедушка.

Шэнь Цяньцы замер.

— Родной брат вашего дедушки?

Цинь Гуаньюй кивнул.

— Вы... похожи.

В этот момент из-за спины вынырнул Сунь Гуаньцин и взволнованно воскликнул:

— Правда же! Мы все так думаем!

Шэнь Цяньцы легонько коснулся рамки, снова взглянул на стоявшего рядом Цинь Гуаньюя, и его охватило чувство, будто он смотрит сериал, где герой, преодолев бездну времени, встречает старого знакомого, который ничуть не изменился.

— Ваш двоюродный дедушка и дедушка Чэн были очень близки?

Цинь Гуаньюй вздохнул.

— Да. Пирожное «Нарцисс и вишня», которое «Цинь Нун» недавно выпустила, — это то самое, что дедушка Чэн хотел подарить моему двоюродному дедушке, но не успел.

— Почему?

— Мой двоюродный дедушка погиб на войне в двадцать восемь лет, — сказал Цинь Гуаньюй. — Если бы не это, именно он должен был унаследовать «Цинь Нун». Когда он погиб, мой дед был ещё несовершеннолетним. С того момента ему пришлось пожертвовать всеми своими увлечениями ради семейного бизнеса.

Так вот в чём дело.

Сердце Шэнь Цяньцы сжалось. Будучи актёром и драматургом, он по привычке сопереживал и вживался в чужие истории. Юный Цинь Шицзэ, которому в одночасье пришлось пережить смерть близкого человека и взвалить на себя бремя управления целой корпорацией.

То, что «Цинь Нун» существует до сих пор, означало, что старик не совершил практически ни одной ошибки. Но даже обладая такой силой духа и острым умом, на склоне лет он всё ещё сокрушался об упущенных возможностях. Наверное, по ночам, во сне, он нет-нет да и представлял, какой могла бы быть его жизнь, если бы его старший брат не погиб. Каких бы высот он смог достичь.

— О чём задумались, учитель Шэнь? — правая рука Цинь Гуаньюя помахала у него перед глазами. — Пора есть.

Шэнь Цяньцы резко пришёл в себя и увидел, что несколько сотрудников уже выкатили сервировочные столики. Блюда одно за другим появлялись на круглом столе у южного окна. Гость был поражён: стол ломился от яств, как на банкете в дорогом ресторане. Вот уж спасибо спонсору, расширил кругозор.

Атмосфера за столом была на удивление непринуждённой. Все вели себя просто, а Сунь Гуаньцин и Лу Тяньгун и вовсе напоминали соседских ребяташек, заскочивших в гости, — настолько расслабленными они были.

— Как прошла сегодняшняя дегустация? — неожиданно спросил Чэн Юи.

— Лучше, чем ожидалось, — проглотив кусок свиной отбивной в чайном соусе, ответил Сунь Гуаньцин. — Дедушка Чэн, ваше пирожное «Нарцисс и вишня» всем особенно понравилось.

Лу Тяньгун тоже кивнул:

— Да. В этот раз мы пригласили в основном молодёжь, но была и небольшая группа людей среднего возраста. Обычно на дегустациях мнения разделяются: кому-то слишком сладко, кому-то — недостаточно. Но на этот раз все были единодушны по поводу «Нарцисса и вишни».

— Вишнёвая начинка сварена на отваре чая «Нарцисс»? — не удержался Шэнь Цяньцы. — Чайный отвар смягчает сладость вишни, а хрустальная оболочка тоже имеет вкус этого чая. В итоге получается сочетание фруктового аромата и характерного цветочного запаха

«Нарцисса».

— Людям среднего и старшего возраста в основном нужно контролировать сахар. Я каждый день общаюсь со студентами, и сейчас даже двадцатилетние начали следить за здоровьем: не спят ночами, но при этом пьют добавки для печени, контролируют сахар и ухаживают за волосами. Это пирожное и вкусовые рецепторы удовлетворяет, и не слишком сладкое. Можно съесть пару штук без особого чувства вины.

— Я же говорил, что пригласить учителя Шэня — самое верное решение, — Сунь Гуаньцин ткнул локтем Цинь Гуаньюя. — Не то что некоторые, транжирят таланты.

— Если он тебя больше не позовёт, в следующий раз приходи ко мне, — смеясь, сказал Цинь Шицзэ.

— Я не запрещал учителю Шэню приходить! — упрямо возразил Цинь Гуаньюй.

Шэнь Цяньцы приподнял бровь. Цинь Гуаньюй тут же смутился.

— Я... я намекал! Да... это был намёк. Намекал, что если тебе скучно дома, можешь прийти ко мне.

При словах «скучно дома» оба старика вдруг многозначительно переглянулись. Цинь Шицзэ медленно отложил палочки. Он вспомнил, как его бывший зять жаловался ему по телефону, упомянув, что его внук пришёл с «парнем», и намекнул, что ему, деду, стоит при удобном случае разлучить эту парочку. Мол, Цинь Гуаньюй должен выполнить свой долг по продолжению рода и укрепить династию наследников корпораций «Цинь Нун» и «Си Чэнь».

Хоть он и был уже старым хрычком, но всё же когда-то любил и был женат. И сейчас, как он ни присматривался, ситуация казалась ему странной. С одной стороны, между внуком и Шэнь Цяньцы определённо что-то было, но с другой — он не видел, чтобы Цинь Гуаньюй парил на крыльях так называемой любви...

Разлучить парочку? А Цинь Гуаньюй в этой паре кто — селезень или утка? Этот юнец больше походил на палку, которой их разлучают. Он решил, что время вмешиваться в «любовь» внука ещё не пришло. Он боялся, что этот болван в ответ на его попытки начнёт с видом знатока объяснять ему четыре способа написания иероглифа «любовь».

Поэтому председатель решил лишь слегка испортить атмосферу за столом:

— Я позвал вас сегодня, чтобы кое-что обсудить. Я хочу, чтобы летняя рекламная кампания «Цинь Нун» прошла в сотрудничестве с «Си Чэнь».

Руки Сунь Гуаньцина и Лу Тяньгуна, державшие палочки, дрогнули. На их лицах застыло

одинаковое ошеломлённое выражение. Цинь Гуаньюй, впрочем, ничуть не удивился, но не удержался от едкого комментария:

— И как же мой отец вам жаловался? Пришлите мне аудио в текстовом формате, я разберу по словам, а потом открою онлайн-курсы.

— Это я хочу сотрудничать с «Си Чэнь».

Слова Чэн Юи заставили замереть даже Цинь Гуаньюя.

— Для пирожного «Нарцисс и вишня» я хочу снять рекламный мини-фильм, и камера «Си Чэнь» — это именно тот элемент, который мне нужен.

Чэн Юи смущённо добавил:

— Я знаю, что это может быть сложно, и маркетинговые расходы возрастут. Для хрустящего печенья «Рисовые шарики в вине и роза» можно использовать прежний план, но «Нарцисс и вишня»...

Его взгляд вдруг стал отстранённым, словно он смотрел сквозь пустоту в далёкое, недостижимое прошлое.

— Я уже стар, и в этом деле... хочется поставить красивую точку.

Чэн Юи был партнёром «Цинь Нун». После смерти старшего брата Цинь именно он помог Цинь Шицзэ удержать компанию на плаву. К тому же пирожное «Нарцисс и вишня» было его творением. С какой стороны ни посмотри, отказать ему было нельзя. Сунь Гуаньцин, как директор по маркетингу, был озадачен.

— Для хрустящего печенья мы можем использовать прежнего амбассадора. А для мини-фильма с «Си Чэнь» нам нужно срочно разрабатывать концепцию, искать сценариста, режиссёра, актёров и место для съёмок.

— Дедушка Чэн, какую историю вы хотите снять? — спросил Лу Тяньгун.

При этом вопросе все взгляды обратились к Чэн Юи. Но старик медлил с ответом, словно не зная, с чего начать. Шэнь Цяньцы, наблюдавший за сменой выражений на его лице, вдруг всё понял и, беззвучно улыбнувшись, сказал:

— Снимите историю о дедушке Чэне и вашем двоюродном дедушке в молодости.

Он посмотрел на Цинь Гуаньюя.

— Я могу помочь? Считайте это запасным вариантом. В течение недели я могу предоставить черновик сценария и кандидатуры режиссёра и актёров.

— Точно! — Сунь Гуаньцин хлопнул себя по ладони, его глаза загорелись. — Ты же закончил театральную академию, у тебя наверняка есть связи.

Цинь Гуаньюй на мгновение замер. Почти полмесяца он воспринимал их отношения исключительно в рамках «спонсор и дублёр», и только сейчас до него дошло, что Шэнь Цяньцы — не какой-то там трепетный протеже. Он — уважаемый преподаватель, магистр ведущей театральной академии страны, а его бывший сосед по комнате — популярный айдол.

Это было очень непривычное чувство, и он даже ощутил какое-то волнение, предвкушая, какую искру сможет высечь Шэнь Цяньцы из столкновения двух, казалось бы, несовместимых брендов — «Цинь Нун» и «Си Чэнь».

— А как будет оплачиваться работа учителя Шэня? — с улыбкой спросил он.

Шэнь Цяньцы улыбнулся в ответ, и лучи заходящего солнца, проникавшие через панорамное окно, отразились в его глазах. Цинь Гуаньюй, встретившись с ним взглядом, вдруг понял, что значит выражение «играть глазами». Он почувствовал, что его литературные познания в этот миг возросли до высоты гальки. Достоин похвалы.

— С остальными вы договоритесь об оплате сами, а мне не нужно. Считайте это... извинением за то, что позавчера я заставил вас посмотреть ваш актёрский дебют и разозлил вас.

<http://bllate.org/book/15964/1501472>